

Зеркало

УЖЕ В КОНЦЕ разговора Армен Джигарханян посветовал мне перечитать один из монологов чеховского Вершинина. Вот он: «Мне кажется, что нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни, мало-помалу, вы должны будете уступить и затеряться в сотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явятся уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока, наконец, такие, как вы, не станут большинством». Впрочем, слово актеру.

— Армен Борисович, года полтора назад я была во ВГИКЕ на ваших занятиях по актерскому мастерству. Мы с вами не раз обсуждали вопросы, связанные с вашей педагогической деятельностью в институте кинематографии: о несправедливом отборе абитуриентов, об иллюзиях первокурсников, о профессии актера. Как ваши студенты прощаются с бытующим в народе мифом о блестящей, полной успеха и славы, жизни артиста?

— У каждого из них это происходит по-разному — очень инди-

среди которых, как во всем цивилизованном мире, будут свои профессионалы. Скажу вам честно, пока я себя чувствую — творчески — дискомфортно. Потому что за 30 секунд, например, надо повернуть голову, сказать фразу, да еще в это время, мне говорят, в моем глазу появится какая-то штука, какое-то изображение, картинка. Но рано или поздно надо начинать. Поэтому, думаю, нам не надо опускаться до подсчета чужих денег. А кто вообще-то сказал, что можно жить без них? Ну, допустим, Диоген жил в бочке, например, один такой. Так что всем нам надо отрешиться от агрессивной зависти, от агрессивного осуждения... Важно знать, что я от этого получаю. Если я знаю, что бессмысленно — спектакль ли это, фильм или реклама, то и не надо в них участвовать. Для меня главный вопрос всегда один: в чем смысл, о чем мы рассказываем?

— И всегда находите смысл?

— Если не нахожу, то говорю: ребята, вот здесь, мне кажется, что-то неверно. Мы же везде напоминаем, что хотим стать цивилизованной страной, и постоянно ставим какие-то препятствия на этом пути. Сенека говорил о путях самосовершенствования: есть путь подражания — самый легкий, и есть путь опыта — самый трудный. Когда берется американская реклама и озвучивается по-русски — это просто. Труднее упасть, испытать стыд. Но только тогда и можно понять смысл. Для меня, например, в искусстве есть именно этот путь. Есть стыдно и не стыдно. Вот когда я вру людям — это стыдно. Можно врать и в спектакле, и в кино, и на телевидении, и на радио. А можно не врать в рекламе.

— А что нового в вашем театре?

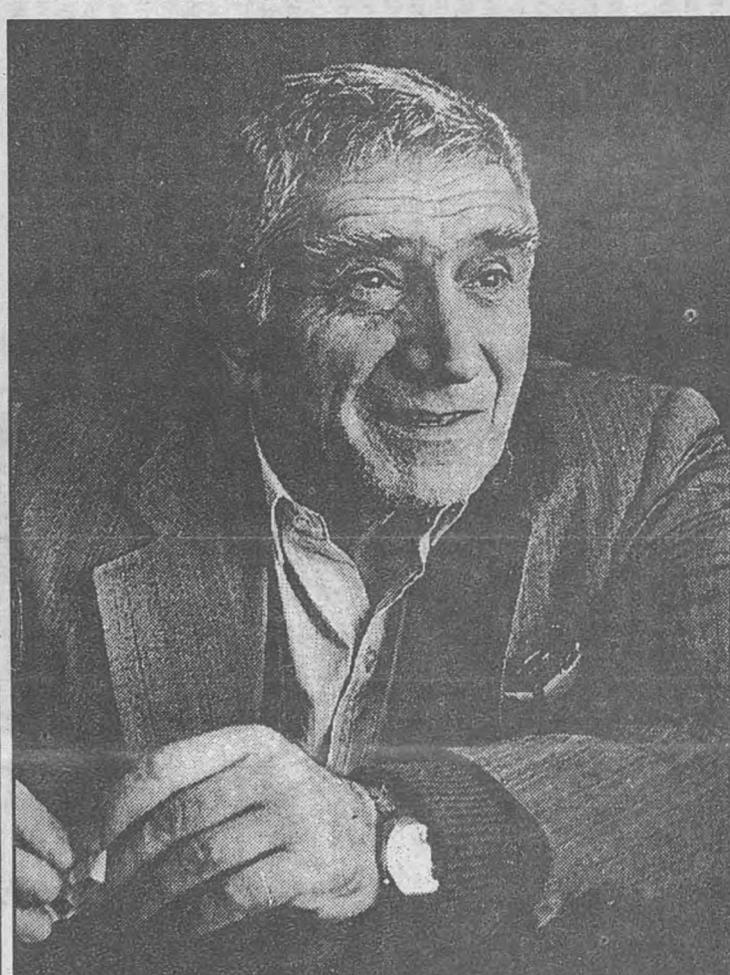
— Андрей Александрович Гончаров репетирует «Последнюю жертву» Островского. Выяснилось, что это очень современный пьеса. Как он говорит, это русский Лас-Вегас. Очень совпадает с нашей ситуацией, созвучно нашей жизни: купля-продажа как явление внутреннего, человеческого свойства; кто и как в этой ситуации сходит. Гончаров всегда очень конкретен. Его главный вопрос в начале новой работы: о чем это? О чем этот анекдот?

— Негодяи, которых вы играете в фильмах, столь обаятельны, что определенно вызывает чувство симпатии. Как вам удается сделать их такими?

— Когда начинаю работать над ролью, не существует ни злодеев, ни святых. Что такое человек? Это цепь поступков. И я должен мотивировать поступки своих героев. Это хрестоматийно, когда говорят, что актер — адвокат своей роли. В этих словах есть своя истина, потому что я должен непременно докопаться, почему мой персонаж решил, положим, этот конфликт именно так, а не иначе, почему решил какую-то ситуацию взорвать — у него есть своя мотивировка. Я же, исполнитель роли, ищу свою мотивировку поступка. И тогда в столкновении мотивировок, в столкновении образа и жизни получается результат: зритель соглашается или не соглашается с тем, что предлагает ему искусство, идет за предложенным вариантом или понимает, что так поступать не следует. Чем убедительнее роль, тем больше мы верим искусству. Следовательно начинать даже самое, казалось бы, понятное дело, с же-

ЧЕЛОВЕК В УНЫЛОМ ГОРОДЕ

Независимая газ. — 1984. — 10 марта. — с. 7.

видуально. В самом слове «искусство» есть «искус». Мы вместе пытаемся добраться до другой истины. Я думаю, самый трудный путь — это путь к себе. Жизнь устроена так, что человек, становясь старше, все больше и больше отделяется от себя, попадая в сферу условностей, моральных законов и так далее. Он приспосабливается к обстоятельствам, к окружающему его миру. И — уходит от себя. Может, в других профессиях это не так опасно, или вообще не имеет значения, как в нашей, где очень важно говорить своим голосом. По этому поводу я всегда привожу один примитивный пример.

Мы все знаем, как кончается «Отелло», но все равно идем на новый спектакль. Зачем? Я очень не люблю формулы, но здесь скажу: мы идем за новой эмоциональной информацией. Самое интересное — когда актер вкладывает в роль свои мысли, свои страсти. И это всегда происходит очень индивидуально — именно это заставляет нас, зрителей, чувствовать уже известное по-другому — по-новому. Вот что существенно. Но бывает и так, что человек всю жизнь проживает в придуманной реальности.

— Я не премину задать вопрос, касающийся ваших съемок в рекламных сюжетах. Полагаю, что многие зрители, в сознании которых устоялся образ того или иного актера, воспринимают его участие в рекламе, с известной долей раздражения, а то и больше — считается, что это унижает профессиональное достоинство артиста. Думаю, при случае зрители могли бы вас спросить: зачем вы, известный актер, снимаетесь в рекламе?

— Во-первых, это жизнь, от которой нельзя отгородиться. Самые меркантильные цели оправданы, если они используются верно, идут в дело. То есть от участия в рекламе, за которую хорошо платят, актер не становится хуже. Мне пересуды, разговоры для меня не имеют никакого значения. Актер мало снимается — об этом говорят, много снимается — тоже говорят. Извините за выражение, но на всякий чих не наздорываешься. Важно, чтобы я сам знал, что делаю чтобы я сам понял, пусть даже в свои 58 лет, что вот это стыдно, этого не надо делать. Но я все-таки должен сначала попробовать. Это первый мой аргумент. Второй: должно появиться — и уже идет — поколение рекламных артистов,

— Как вам удается сохранить ритм своей творческой жизни, когда кинопроизводство свернуто до минимума, театры испытывают невероятную нужду, а радио просто никто не слушает? Вы же, тем не менее, один из самых работоспособных актеров, доказательством чего служит ваше по-прежнему достаточно частое появление на экране. Многие актеры ударились в политику, а вас она как бы и не касается вовсе?

— Все это и верно, и не верно. Простите за банальность, но отдельно от того, что происходит вокруг, жить невозможно. Если я сегодня займусь только своими проблемами, то это будет очень грустно, потому что у меня, оказывается, есть не только мои личные проблемы. Сегодня надо говорить о равнодушии.

Я вот снимался на картине Сергея Колосова «Раскол», ее почему-то очень скромно показали по телевидению. А фильм этот надо смотреть обязательно, потому что в нем пусть робко, но сделана попытка увидеть то, что произошло тогда с людьми, что толкнуло их согласиться с большевиками. В материалах, которые использованы в картине, есть самое страшное свидетельство — пробуждение в человеке низменных чувств и использование этого момента в политике. Так вот мы — еще из тех, у которых ампутировали душу. Я это говорю к тому, что если мы и сегодня прогладим и допустим такого же пробуждения низменных инстинктов в человеке, то страшно подумать о последствиях.

— Вы снимаетесь у Наумова в новом фильме по сценарию Тонино Гуэрры?

— Сценарий написал Наумов и Гуэрра. Это комедия, но одновременно в ней есть все. Для себя роль я определяю так: это дух и тело, реальность и возвышенные мечтания. Мне всегда интересно такое соединение, потому что и то, и другое живет в человеке. Когда попадает такая роль, я счастлив, потому что это моя роль, в ней мой человек. И тогда все события, которые происходят в фильме, приобретают для меня естественный ход, органическое течение — мне интересно, я фантазирую, придумываю, изобретаю... Мне нравится эта роль. Но боюсь конкретно говорить о ней, потому что еще идет творческий поиск. Не буду подробно рассказывать, я человек суеверный.

лением оправдать, то есть со знаком плюс, только потом появляются факты и прочее. Так думаю и я о своем персонаже: ведь он же человек, а не знак. Когда знак, то все понятно и неинтересно. Но он должен меня задеть, тогда я чуть-чуть задумаюсь. Конечно, все не так просто, как я рассказываю, все гораздо сложнее — глинее. Интересно столкновение мотивировок. Почему, например, Клавдий ведет себя так, а не иначе?

— Какую роль вы хотели бы сыграть?

— Нет такой. Если у меня есть мечта, то я все равно ее где-то реализую — в какой-то роли, потому что она меня волнует. А потом, я не могу, не научен мечтать о роли. Впрочем, на свете, наверное, нет актера, который бы не мечтал сыграть, например, короля Лира.

— У вас бывают безвыходные ситуации?

— Да, конечно. Очень знакомое мне эмоциональное состояние. Во всяком случае, я знаю, о чем вы спрашиваете. Такая у меня профессия — это происходит если не ежедневно, то часто. В моем представлении это какое-то перевозбуждение. Но первый всплеск проходит, выясняется, что произошло еще не самое страшное. Я очень доверяю своим чувствам, они — самое верное, мне кажется. Иногда в таких ситуациях на помощь приходит физиология. Я очень ценю в человеке способность ощущать себя частью природы, отдаваться на волю ей. Не казните меня за такое заявление, но я гораздо больше доверяю отклику души, чем логике разума. Грубо говоря, в человеке самое верное, ценное и спасительное в моем представлении — это природа. Мне она помогла и помогает. Бывают и депрессии, и кризисы, но патологические, конечно, но вот что-то выхлещает в тебе жизнь — обстоятельства ли, повседневность ли — это естественная вещь. Тогда самое важное — инстинкт, природа — жизнь. Пока человек живет, выход есть.

— Может, я чего-то не вижу, не учитываю, может, у меня не хватает дальновидности.

— Но у меня нет точек опоры. Потому что слишком низок уровень нашей морали. Есть несколько истеричные потуги что-либо поправить, изменить — истеричные, иначе я не могу сказать — это как раз и лишает меня почвы. Не сужу, не осуждаю, не имею права, потому что надо не судить, а предлагать. У меня ощущение, что мы все больше и больше увеличиваем пропасть между истинными человеческими ценностями и конкретным положением нашего общества. Я совсем не за то, чтобы опрыскивать деревья дезодорантом. Это тоже обман. И не за то, чтобы мы погрузились в черную дыру и там копошились. Знаю одно: это очень длинная дорога. И если мы завтра начнем с небольшого окружения, потом круг увеличится, людей в нем прибавится... Замечательный монолог есть у Вершинина в «Трех сестрах», гениальный! (См. выше).

— Я думаю, что революционным путем ничего не сделается, никакие указы ничего не изменят.

— Наше совершенствование должно быть ежедневным, душа — материя очень тонкая, чуткая. Тут революционный путь не годится. Недавно у Волошина я нашел потрясающие, невероятно пронзительные, удивительные — всего четыре строчки:

Они пройдут, расплавленные годы

Народных бурь и мятежей.

Вчерашний раб, уставший от свободы,

Возропщет, требуя цепей.

P.S. 10 марта на сцене МХАТа имени Чехова состоится премьера спектакля «Ужин» по пьесе Жана-Клода Брисвиля. В ролях Фуше и Талейрана — Армен Джигарханян и Олег Табаков. Режиссер Андрей Смирнов.